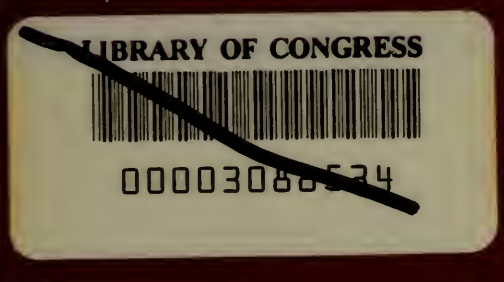
PG 3447
.Z574 085
1822



U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Cyr. 4-P022

Любезному Другу Василію Ефимовичу!
Ничего лучше не могу предложить, какъ
сію книжку, въ знакъ искренняго моего
расположенія, и въ памятѣ пребыванія
его на своей родинѣ, которой и дымъ
намъ сладокъ и пріятенъ 1829 года
Декабря 4 дня Михайло Зиновьевъ

2411
5375

ОСЬМАЯ САТИРА
БУАЛО.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

М. ЗИНОВЬЕВА.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

1822.

PG3447
Z574O85
1822

Печатать позволяется съ представленіемъ 5 экземпляровъ въ Ценсурный Комитетъ для Казенныхъ Мѣстъ. Апрѣля 25 дня, 1822 года. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Алексѣй Мерзляковъ.

Изданіе Коммиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета
А. С. Ширяева.

88-179192
08-29-88
ЕРЕЗ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

ИВАНУ МИХАЙЛОВИЧУ

ДОЛГОРУКОМУ,

въ знакъ истиннаго почтенія и душевной преданности

ОТЪ ПЕРЕВОДИВШАГО.

О странностяхъ людскихъ *Депре* что начертилъ,
То Русскимъ здѣсь стихомъ я слабо преложилъ;
Тебѣ, познавшему людей довольно въ свѣтѣ,
Возможно хорошо судить о семъ предметѣ.
Достоинства ума я долгомъ ставлю чтить,
Сердечну доброту привыкъ всегда любить;
И тѣмъ слова сіи нелестно подтверждаю,
Что именемъ твоимъ сей трудъ мой украшаю.

САТИРА ОСЬМАЯ.

Изъ всѣхъ животныхъ тѣхъ, что плаваютъ въ водахъ,
Что ходятъ по землѣ, летаютъ въ небесахъ,
Пройдя все то въ умѣ, что создано отъ вѣка,
Конечно не найдемъ глупѣе человѣка.
Не уже-ль, возразятъ, червякъ, иль муравей,
И дышущій едва паукъ въ сѣти своей,
Или ревущій волъ, иль агнецъ боязливый,
Имѣютъ умъ острѣй и въ смыслѣ справедливый?—
Такъ точно, я скажу — диковины въ томъ нѣтъ.
Для пользы хотъ людской устроилъ Богъ сей свѣтъ
И человѣка въ немъ какъ бы царемъ поставилъ,
Въ природѣ все ему покорствовать заставилъ,
Для нуждъ его поля, лѣса произрастилъ,
Его же самаго разсудкомъ одарилъ, —
Все такъ; — однако я не меньше заключаю,
Что люди безъ ума — въ томъ смѣло утверждаю.
Далекъ я отъ того, бранить чтобы людей,
Или смѣшить другихъ сатирою моей;
Но коль читатель мой ждетъ яснаго отвѣта,
Готовъ я отвѣчать — на судъ пространна свѣта.
Одинъ лишь можетъ тотъ мудрѣйшимъ быть сочтенъ,
Спокоенъ духомъ кто, ни чѣмъ не возмущенъ;
Но меньше кто людей быть можетъ равнодушенъ?
Кто больше ихъ страстямъ и прихотямъ послушенъ?

Примѣръ намъ муравей, который только разъ
Въ теченьи лѣтнихъ дней скопляетъ въ годъ запасъ;
Когдажъ зима придетъ и снѣгъ поля покроетъ,
Натура вся мертва, въ дубравахъ вѣтеръ воетъ:
Животное сіе, прижавшись въ уголъ свой,
Трудами лѣтними питается зимой.
И постоянства намъ примѣръ собой являетъ:
Весною любитъ трудъ, зимою отдыхаетъ;
Бороться съ стужею не смѣетъ никогда,
А теплою порой работаетъ всегда.
— Но человѣкъ въ своемъ неукротимъ волненьи!
Среди различныхъ думъ теряется въ сомнѣньи,
Мятется духомъ онъ, не знаетъ, что начать;
Въ намѣреньяхъ не твердъ, не знаетъ, что желать.
Сего дня захотѣлъ, а завтра отвергаетъ,
Отвергнулъ, и тотчасъ опять того жъ желаетъ.
« Могу ли щастливъ быть я съ вѣтренницей сей? »
На дняхъ такъ говорилъ одинъ мнѣ изъ друзей:
« Женись только на ней, тотчасъ рога приставитъ,
« И пальцемъ городъ весь указывать заставитъ. »
Сего дня слышу я, ужь онъ на ней женатъ,
Что щастливъ ей одной, увѣритъ всѣхъ въ томъ радъ;
Другимъ за образецъ ее онъ выставляетъ,
Вѣрнѣйшею женой одну свою считаетъ.
Таковъ есть человѣкъ — отъ крайности къ другой,
Онъ съ утра до утра лишь споритъ самъ съ собой;
Несносенъ для другихъ, покой свой возмущаетъ,
Всечасно мыслями какъ модою мѣняетъ,
Вертится, падаетъ при маленькомъ толчкѣ;
Сего дня въ шишакѣ, а завтра въ клобукѣ,
Но тотъ же человѣкъ, который такъ кружится,
Среди мірскихъ суетъ мечтами только льстится,

Есть точка въ естествѣ, для коей создань свѣтъ;
Не постижимаго творенья онъ предметъ,
Для коего съ небесъ лучь солнце ниспускаетъ,
И правильный свой ходъ вселенна совершаетъ;
Который надъ звѣрьми царемъ зоветъ себя.
Кто споритъ въ томъ дерзнетъ?— Быть можетъ, что и я.
— Не станемъ разбирать, медвѣдь ли насъ боится,
Иль мы его, когда съ нимъ встрѣтиться случится;
Ни слова и о томъ, что звѣрь бѣжитъ отъ насъ,
И нами побѣжденъ быть можетъ каждый разъ, —
Но сей же человѣкъ, который называетъ
Себя царемъ звѣрей, не скоро сосчитаетъ,
Сколь много онъ властей имѣетъ надъ собой,
Въ порокахъ и страстяхъ, владѣющихъ душой:
То скупость, то любовь, тщеславіе и злоба,
Весь умъ его запьмивъ, владѣютъ имъ до гроба.
Едва лишь сонъ начнетъ глаза его сжимать,
А скупость ужь кричитъ: «пора тебѣ вставать.»
— Постой, дай отдохнуть»— Ни слова не внимаю!»
— Едва лишь разсвѣло — соснуть еще желаю.
«Не слушаю; вставай, и алчностью горя,
Спѣши скорѣй преплыть изъ края въ край моря;
Въ Японіи ищи фарфоръ и ароматы,
Изъ Индіи вези корицы грузъ богатый.»
— Но я и такъ богатъ, довольнымъ чту себя. —
«Пустое; чѣмъ грузнѣй, тѣмъ лучше для тебя.
Чтобъ болѣе скопить и денегъ и имѣнія,
Не устрашайся клятвъ, ни даже преступленья,
Терпи всѣ нужды, жаръ, суровость зимъ и гладъ,
На голыхъ спи доскахъ и нюхай горькій смрадъ;
Хоть горы серебра и денегъ страшны груды,
Но въ домѣ ни слуги, ни стула, ни посуды;

Хоть закромы полны, но корку лишь глодать,
И петлю изъ гроша на шею надѣвать. »
— На что, скажи мнѣ, жить такъ гнусно и постыдно?
По чести, слушать мнѣ слова сіи обидно. —
« На то, чтобъ, по тебѣ все то, что въ жизнь скопилъ,
Наслѣдникъ мотовать на карточку спустилъ;
Что стоило тебѣ трудовъ, заботъ, терпѣнья,
Что было у тебя безъ пользъ, употребленья,
То все въ одинъ бы годъ повѣса разсорилъ
И глупымъ мотовствомъ весь городъ удивилъ.»
Что жъ дѣлать, — плыть скорѣй, суда уже готовы. —
Плыву, и на себя я самъ кладу оковы.
Иль честолюбіе, весь духъ въ немъ возмутивъ,
Покоя сладостна навѣкъ его лишивъ,
Пошлетъ его искать сраженій по неволѣ
И славою гремѣть въ бояхъ на ратномъ полѣ;
Или на приступѣ геройску смерть вкусить,
Въ реляціи за то двѣ строчки заслужить.
— Постой, остановись! какъ дерзко разсуждаешь,
Сію геройску страсть! похвальной не считаешь
Великій Александръ, восточный сей Герой,
Всю Азію потрясъ и свѣтъ дивилъ собой,
По твоему что былъ? — Безумецъ дерзновенный,
Пустою славою и кровью упоенный,
Кому подлунный міръ казался уже малъ,
Чей гордый духъ въ себѣ покоя не вмѣщалъ.
Родившись обладать страною знаменитой,
Для подданныхъ своихъ могъ быть отцомъ, защитой;
Но честолюбію бывъ сильно покоренъ,
Быть Богомъ онъ возмнилъ, и мыслью сей смущенъ,
Священныя права народны попирая,
Вселенну покорить безумственно мечтая,

Неся въ слѣдъ за собой всѣ ужасы войны,
Съ огнемъ, мечемъ, прошелъ обширныя страны.
Къ несчастію тѣхъ временъ, тогда еще не знали,
Какъ дерзкихъ усмиряютъ — на островъ не ссылали;
Въ примѣръ Наполеонъ: Европу попрясалъ,
И на скалѣ морской свой странной вѣкъ скончалъ.
Но больше о страстяхъ уже не разсуждая,
Философамъ о нихъ писать предоставляя,
Мы человѣка здѣсь иначе разберемъ,
Съ хорошей стороны теперь его возмемъ.
Живетъ онъ въ городахъ, порядокъ наблюдаетъ,
И власть самъ надъ собой закону поставляетъ;
Уставы издаетъ, хранитъ другихъ покой,
Для блага всей земли самъ жертвуетъ собой:
Все такъ по кругъ людской подъ властію законной;
Смирнѣе ли живетъ, чѣмъ звѣри въ дебри темной?
У нихъ законовъ нѣтъ, управы никакой,
Но въ мирѣ, тишинѣ живутъ между собой;
Другъ друга, такъ какъ мы, они не обижаютъ,
Ни ябеды, ни ссоръ, ни тяжбъ не начинаютъ.
Съ подобнаго себѣ волкъ шкуры не деретъ,
И коршунъ коршуна отнюдь не заклюетъ;
Средь знойной Африки львы хищны обитая,
Скитаются въ степяхъ; другъ друга не терзая,
Искусство чуждо имъ губить свой родъ войной,
Ведя ее, какъ мы, для славы лишь одной.
Сей гордый левъ иныхъ животныхъ презираетъ;
Въ лицѣжъ другаго льва свой образъ почитаетъ,
И ярость съ нимъ свою онъ въ силахъ укротить,
Безъ ссоры цѣлый вѣкъ, безъ драки можетъ жить.
Орлы, подъ облака полетъ свой направляя,
Пространство воздуха, живутъ, не раздѣляя.

Лиса съ лисой никакъ процессъ не заведутъ,
Когда въ курятникѣ цыпленка обдерутъ.
Нѣтъ жалобъ у звѣрей, ни исковъ не заводятъ,
Ни земскихъ нѣтъ судовъ, ни съ обыскомъ не ходятъ,
Но всѣ они живутъ въ природной наготѣ,
Безъ страха, безъ заботъ, въ смиренной простотѣ.
Одинъ лишь человѣкъ то честью называетъ,
Что въ ярости себѣ подобныхъ убиваетъ;
И мало то, что онъ желѣзо обострилъ,
Изъ мѣди жерлы слилъ, селитру воспламенилъ:
Для пользы онъ своей законы издавая,
Общественное въ нихъ спокойство ограждая,
Тотъ самый же законъ всегда готовъ попрать,
Невинность осудя, злодѣя оправдать.
Попиши— скажутъ мнѣ, на что такъ горячиться?
Съ страстями человѣкъ всегда на свѣтъ родится.
Онѣ играютъ имъ какъ волны кораблемъ;
Но все таки порокъ превысится добромъ.
Не онъ ли, наконецъ, въ искусствѣ толь чудесный,
Магнитною стрѣлой измѣрилъ сводъ небесный?
Въ науки углубясь, постигъ натуры ходъ,
Вещей всѣхъ изыскалъ и дѣйствіе и родъ?
Между звѣрей, скажи, видаемъ ли ученыхъ?
Юристовъ, Докторовъ встрѣчаемъ ли изъ оныхъ?
Лисица, или волкъ умѣютъ ли лѣчить,
По правиламъ наукъ другихъ звѣрей морить?
— Конечно, никогда мнѣ видѣть не случалось,
Чтобъ общество у нихъ учено составлялось,
Въ которомъ, какъ у насъ, одинъ передъ другимъ
Стараются блеснуть познаніемъ своимъ;
Или какой нибудь дуракъ полуученый,
Безъ знанья, безъ ума, лишь всѣми разхваленый,

На кафедру взмостясь, начнетъ въ полпьяна врать,
Пустое что нибудь стараясь доказать.
Однако же, быть такъ, судить не будемъ строго,
Позналъ ли что нашъ умъ, иль зналъ всегда немного;
На свой посмотримъ вѣкъ, въ которомъ мы живемъ.
По знанью ль человѣкъ цѣнимъ бываетъ въ немъ?
Достоинства ль одни и честность уважаютъ?
Или богачь, да шутъ отличье получаютъ?
Вступающаго въ свѣтъ сынка отецъ училъ,
Желавъ ему добра, по часту такъ твердилъ:
Коль хочешь знаемъ быть большими господами,
Чтобы тебя всегда они искали сами,
Возмись скорѣй за умъ— брось книги къ сторонѣ,
Узнай лишь въ деньгахъ счетъ, въ подрядахъ толкъ, въ цѣнѣ,—
Наука вся полна, на что другая въ мірѣ?
Коль знаешь ты, мой другъ, что дважды два, четыре—
Тогда ты и въ чести;— всѣ станутъ уважать,
Умѣй лишь только рубль копѣйкой наживать.
Въ одной наукѣ сей успѣть скорѣй старайся;
Сенеку не читай, но въ счетахъ упражняйся.
Узнай, гдѣ тотъ уѣздъ, который лучше взять
На откупъ можешь ты, вино чтобъ поставлять;
Мѣшай его съ водой, корчемничай имъ смѣло:
Лишь бы разбогатѣть, въ томъ главное все дѣло.
Будь болѣе жестокъ, ко всѣмъ немилосердъ,
Душою крючкотворъ, въ упрямствѣ нагломъ твердъ;
Не будь отнюдь такъ глупъ, чтобъ щедрымъ оказаться,
И слабостью людей старайся разживаться,
И мало дорожа такъ честностью своей,
Ты скоро попадешь въ знатнѣйшій кругъ людей:
Тогда увидишь, какъ ораторы, поэты,
Ученый весь народъ, найдутъ въ тебѣ примѣты.

Что ты героевъ сынъ, въ стихахъ превознесутъ,
И съ пышнымъ титломъ ихъ тебѣ же поднесутъ;
Доказывать тебѣ то будутъ несомнѣнно,
Что знаніе твое велико и примѣрно.
Богатъ ли кто,— тотъ все: хоть глупъ — кричатъ уменъ,
Не смыслитъ ничего— ученымъ онъ сочтенъ;
Богатый добръ душой, чиновенъ, благороденъ,
Заслугами великъ, во всѣхъ дѣлахъ свободенъ;
Съ вельможами за свой, прелестными любимъ,
Суровыхъ не найдетъ, всегда любезенъ имъ;
Хоть дуренъ онъ собой, но коль богатъ— прекрасенъ;
А бѣдный съ красотой покажется ужасенъ.
Такъ сына ростовщикъ искусный поучалъ,
Легчайшій путь ему къ богатству пролагалъ.—
Едва ль не правъ онъ былъ. Тотъ лучше всѣхъ успѣетъ,
Кто денежку скопитъ и въ ростъ пуститъ умѣетъ.
Куда ни обратимъ свой любопытный взоръ,
Системъ различныхъ мы услышимъ только вздоръ;
И не хотя должны по истинѣ сознаться,
Что можетъ дуракомъ ученый всякъ назваться.
Ученый дуракомъ! Какъ смѣешь ты сказать!
Ты слишкомъ ужь себѣ изволилъ волю дать.
Но время въ пустякахъ напрасно не теряя,
Злословіемъ свой умъ поменьше изощряя,
Нелучше ль наконецъ согласны будемъ въ томъ,
Что умъ свѣтильникъ нашъ, вождя имѣемъ въ немъ.
Согласенъ; но ему охотно ли внимаемъ?
Принять его совѣтъ готовы ли бываемъ?
Зоилова ль унять, писать чтобъ пересталъ,
И дерзскихъ бы стиховъ поменьше сочинялъ?
Разсудокъ то ему не рѣдко подтверждаетъ,
Но страсть писать стихи день на день возрастаетъ.

Пустымъ враньемъ своимъ всѣмъ уши разкричалъ,
Сосѣдямъ и друзьямъ, роднымъ несносенъ сталъ.
Какъ скоро только въ немъ злой духъ спиховъ вселится,
Разсудокъ здравый прочь— вся голова вскружится,
Все прочь бѣжитъ его, слуга съ двора долой;
Съ нимъ риѳмы лишь однѣ, — доволенъ самъ собой.
Оселъ глупѣйшій скотъ всего животныхъ рода,
Безъ ропота живетъ, какъ жить велитъ Природа;
Имѣя дикой тонъ, никакъ не запоетъ,
Съ пернатыми въ лѣсахъ въ томъ споръ не заведетъ;
Умомъ не наделенъ, стопой размѣрной ходитъ.
Съ умомъ же человѣкъ слѣпой какъ будто бродитъ.
Разсудокъ что велитъ, онъ дѣлаетъ не то,
Возмется ль за дѣла,— на ладъ нейдетъ ничто;
Все нравится ему, и все опять противно,
Обязанъ ли за что, то вдругъ сочтетъ обидно;
То мраченъ, то шутливъ, то веселъ, то груститъ,
Любовь на языкѣ, а съ сердцемъ прочь бѣжитъ;
Отниметъ и отдастъ, прибавитъ и убавитъ;
Зачнетъ, и не свершитъ, разрушитъ и возставитъ;
Боится самъ себя, ночныхъ тѣней, химеръ.
Какъ часто видѣнъ въ немъ ханжа и суевѣръ!
Тринадцать за столомъ напастей ожидаетъ;
Просыплетъ ли кто соль— несчастье предвѣщаетъ;
Гдѣ воронъ прокричалъ— то быть ужь тамъ бѣдѣ.
А сверхъ еще того, не слыхано ни гдѣ,
Чтобъ звѣри и скоты людей боготворили
И въ жертву имъ себя безумно приносили;
Инстинктомъ правятся они всегда своимъ:
Но человѣкъ— бывалъ той глупостью водимъ,
Что часто истуканъ, самимъ имъ сотворенный,
За Бога почиталъ; древа имѣлъ священны,

Чтилъ солнце и луну, и звѣзды въ небесахъ;
Животныхъ на землѣ и рыбъ во глубинахъ,
И тамъ гдѣ орошалъ брега токъ злачный Нила,
Народъ боготворилъ быка и крокодила.
На что, мнѣ возразятъ, на что примѣръ таковъ?
Къ чему Египетъ тутъ и ложныхъ рядъ боговъ?
Не уже ль хочешь тѣмъ ты доказать вернѣе,
Что человѣкъ осла глупѣе и смѣшнѣе,
Осла, которому смѣется цѣлый свѣтъ,
Чье имя ужъ одно насмѣшекъ есть предметъ?
— Да, точно такъ, осла; и не чему дивиться.
Смѣемся мы надъ нимъ; но если бъ объясниться
Онъ также могъ, какъ мы, могъ также говорить
И въ очередь свою подобно намъ судить, —
Чего бы не сказалъ онъ въ слухъ тогда правдиво
О томъ, на что теперь глядитъ лишь молчаливо.
Что мыслитъ онъ о томъ, когда народъ толпой
Пестрится передъ нимъ одежды разнотой?
Какъ медики къ больнымъ усердно поспѣшаютъ,
Десятка по два въ день на тотъ свѣтъ отправляютъ?
Ученый какъ бѣжитъ на каѳедрѣ читать,
Забавный острословъ умомъ своимъ блистать?
И модной вертопрахъ любезнымъ быть мечтаетъ,
Когда лишь только вздоръ красавицамъ болтаетъ?
А ябеда спѣшитъ всю желчь свою излить,
Приказные, судьи, крючки лишь заводить?
О! если бы оселъ глазами мизантропа
На все сіе смотря, какъ въ времена Езопа,
Воскликнуть также могъ, смотря на вздоръ людской,
Онъ правду бы сказалъ, качая головой:
« Ни сколько люди насъ ни лучше, ни умнѣе;
» Но кажется, еще глупѣе и смѣшнѣе! »

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0002292968